

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:323(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-077-098

ИНДОНЕЗИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Алексей Юрьевич ДРУГОВ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: За почти 25 лет, прошедшие с начала эпохи реформ в Индонезии (1998 г.), демократический процесс в этой стране проделал весьма значительный путь. Демократизации и модернизации подверглась политическая система благодаря четырем пакетам поправок, внесенных в конституцию (1999–2002 гг.), и принятию ряда законодательных актов. Но развитие демократических институтов сталкивается с рядом препятствий, в частности, сохранением высокого уровня исламского радикализма и сепаратизма, борьба с которыми в ряде случаев выходит за рамки правовых норм. Во влиятельных кругах элиты бытует убеждение, что проведенные реформы не соответствуют индонезийской самобытности. Армия фактически сохраняет существенную самостоятельную политическую роль, пользуясь высшим уровнем общественного доверия среди государственных и общественных институтов.

Ключевые слова: Индонезия, реформы, демократический процесс, поправки в конституцию, государственная идеология, армия, исламский радикализм, сепаратизм

Для цитирования: Другов А.Ю. Индонезия: современная динамика демократического процесса // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 3, № 3 (56). С. 77–98. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-077-098

Original article. Historical science

INDONESIA – PRESENT DYNAMICS OF THE DEMOCRATIZATION PROCESS

Alexey Yu. DRUGOV¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: During almost 25 years since the beginning of the reformation era in 1998, the democratization process in Indonesia made quite re-

markable progress in democratizing and modernizing the political system in the country due to four blocks of amendments to the Constitution in 1999 – 2002 and several laws. But the development of the democratic process is facing several obstacles such as separatism and rather high level of Islamic radicalism. Fighting these two the authorities sometimes are acting beyond the law norms. Some rather influential circles of the elite are of the opinion that the reforms are not in line with the Indonesian originality. The army is preserving important political role enjoying the highest level of confidence in the society compared with other state and social institutions.

Keywords: *Indonesia, reforms, democratic process, amendments in the Constitution, state ideology, Army, Islamist radicalism, separatism*

For citation: Drugov A.Yu. Indonesia – Present Dynamics of the Democratization Process. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, Т. 3, № 3 (56). Pp. 77–98. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-077-098

В начале 2021 г. индонезийская политическая элита с тревогой встретила выводы британского журнала «Экономист» (The Economist Intelligence Unit), в соответствии с которыми индекс демократии в Индонезии снизился в 2020 г. до отметки 6,3 в сравнении с 6,48 годом раньше. Это был самый низкий индекс за последние 14 лет. Страна оказалась на 64 месте из 167 государств, уступив в своем регионе Малайзии, Тимор-Леште и Филиппинам. Оценивались пять показателей - избирательный процесс и плюрализм, функции и эффективность правительства, политическое участие населения, политическая культура и гражданские свободы¹.

Годом позже по данным того же журнала Индонезия поднялась на 52 место с индексом 6,7, оставаясь ниже Малайзии². Это был наибольший скачок по сравнению с другими странами, однако, Индонезия не вышла из категории «ущербной демократии» (flawed democracy).

Как показали опросы, проведенные индонезийским фондом Saiful Mujani Research and Consulting, резко снизился процент лиц, удовлетворенных уровнем обеспечения свободы слова и выражения мнений с 79% в апреле 2019 до 56% в июне 2020 г., несколько поднявшись – до 63% к марту 2022 г. Напротив, те, кто недостаточно удовлетворен или полностью неудовлетворен, составили 18% в апреле 2019 г. и 33% в марте 2022 г. Примерно те же тенденции обозначились в оценке уровня обеспечения гражданских свобод и опасений граждан

перед возможными задержаниями со стороны правоохранительных органов и т.п.³. Но, отмечая значительный процент граждан, неудовлетворенных осуществлением политических свобод, следует допустить, что это объясняется не только недочётами в деятельности властей, но и ростом требовательности со стороны населения, а это несомненно позитивный фактор.

Глава этого фонда профессор Сайфул Муьйани считает, что оценка населением уровня демократии во многом определяется оценкой эффективности правительства⁴. Это интересное наблюдение, и если оно справедливо, то в демократическом процессе большинство индонезийцев ещё не видят себя его субъектами, исходя из принципа «Демократия — это когда мне хорошо». Если рассматривать уровень демократии с учетом этой специфики политической культуры, то не исключено, что свою роль сыграли пришедшиеся на последние годы пандемия “Covid-19” (с которой индонезийское правительство справляется сравнительно эффективно), и кризис с обеспечением потребителей растительным маслом, чувствительно ударивший по населению.

Координатор Комиссии по розыску пропавших лиц и помощи жертвам насилия Фатиа Маулидиа писал: «Хотя за 24 года реформ имели место некоторые

достижения в области демократизации и обеспечения прав человека, наше ‘домашнее задание’ ещё очень велико. Так, в сфере свободы выражения мнений действуют как старые, так и новые установления, в которых используются и устаревшие, и новейшие методы подавления мирных проявлений свобод. А правоохранительные органы, похоже, ещё не готовы подняться на соответствующий уровень. Отмечены сотни случаев применения силы, в том числе и со стороны полиции, против граждан за их публичные выступления»⁵.

Спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Су-сатьо считает, что плодами демократии в стране преимущественно пользуется элита. Расширение прерогатив местных органов власти в последние годы, выборность глав регионов привели к тому, что последние прилагают основные свои усилия к тому, чтобы угодить избирателям, и поэтому во многих случаях политический курс центральной власти на местах проводится в жизнь неэффективно⁶. При этом часто речь идёт не об интересах рядовых граждан, а о сделках с местным олигархами или консервативными исламистскими лидерами.

Причины этих явлений следует искать, в частности, в специфике генезиса процесса демократических реформ. Процесс начался в 1998 г. с падением военно-авторитарного режима «нового порядка»,

правившего страной с 1966 г. Непосредственной причиной его крушения был финансово-экономический кризис, но глубинные предпосылки заключались в том, что режим не адаптировался к изменениям в обществе, вызванным достаточно успешным экономическим развитием в предшествующие десятилетия.

Изменения, внесённые в конституцию в 1999–2002 гг., в самой существенной степени модернизировали основной закон, принятый в первые дни независимости в 1945 г. и остававшийся в неприкосновенности с тех пор. Эти изменения были призваны преодолеть препятствия, которые «новый порядок» воздвиг на пути им же возвращенной капиталистической экономики, не посчитав необходимым обеспечить соблюдение прав человека и уважение к человеческой личности. Осознание этих ценностей в обществе развивалось вопреки режиму, и это развитие было естественно замедленным и нередко деформированным.

В 1999-2002 гг. были введены прямые выборы органов власти на всех уровнях, избрание президента ограничено двумя пятилетними сроками, создана вторая палата парламента – Совет представителей регионов, хотя и с ограниченными полномочиями, обеспечена большая свобода слова и объединений, формально отменены статус армии как самостоятельной политической силы и дискриминационные ограничения прав этнических китайцев (снят запрет на использование иероглифов и признано конфуцианство в качестве религии наряду с исламом, католицизмом, протестантством, индуизмом и буддизмом). В конституцию включена отдельная глава, посвящённая правам человека, положения которой в целом выдержаны на общемировом уровне.

В то же время сохранена фактическая сакрализация государственной идеологии – принципов панча сила, о которой речь пойдет ниже. Поправка в ст.37, п.5 Конституции гласит, что форма государства – унитарная республика – не подлежит изменениям. Это вызвано сохраняющейся угрозой сепаратизма в некоторых регионах, в частности, в провинциях Аче и Папуа, и деятельностью радикальных исламистов, стремящихся к созданию исламского халифата.

Специфика развития политического процесса в Индонезии заключается в том, что в ходе реформ у власти, включая её самые высокие эшелоны и структуры, остались многие представители дореформенной элиты, в первую очередь, военной. Как выразился индонезийский политолог Дж. Кристиади, «демократия — это не только процедура – это ещё и культура»⁷. В Индонезии, где сотни этносов, принад-

лежащих к разным религиям и даже цивилизациям, проживают на тысячах островов, эта культура находится в стадии формирования.

Власть в современной Индонезии несет глубокий отпечаток авторитаризма (около 40 лет), который в свое время почти без перерыва сменил сотни лет колониального господства Нидерландов. Бахаруддин Ю. Хабиби, третий президент Индонезии и первый на этом посту в эпоху демократических реформ, считал, что в период «нового порядка» при фактически неограниченных полномочиях президента развивалась новая форма феодализма, а пост главы государства стал сакральным⁸. В беседе с Сухарто, тогда президентом страны, Хабиби стал убеждать его, что существующая в стране под вывеской государственной идеологии экономика раннего примитивного и грязного капитализма наносит серьёзный ущерб населению. Сухарто ответил, что все страны с этого начинали. На это Хабиби сказал, что Индонезия задержалась на этом этапе и нужно учиться на чужих ошибках⁹.

Утвердившись у власти, индонезийская буржуазия обнаружила, что не может сформулировать идеологические рамки капиталистического развития. Отсюда сохранившаяся сакрализация государственной идеологии – пяти принципов панча сила:

- вера в Единого Бога-вседержителя;
- справедливость и цивилизованный гуманизм;
- единство Индонезии;
- демократия, направляемая духом консультаций в рамках представительства;
- социальная справедливость для всего народа Индонезии.

Эти народнические по сути принципы были включены в преамбулу конституции ещё в 1945 г. и, подверженные широкому спектру толкований, являются идеологической платформой действующей государственной власти и источником правовой системы страны.

Необходимость реформ или хотя бы их провозглашения во имя спасения государства и собственных экономических и политических позиций, полученных во времена «нового порядка», в конце 1990-х гг. была очевидна для элит, однако они стремились не допустить «излишне» радикальных перемен. По крайней мере, два президента эпохи реформ лишились этого поста за «чрезмерный» демократизм. Б. Ю. Хабиби, сменивший Сухарто в 1998 г., вызвал недовольство тем, что отменил большинство антидемократических законов 1966-1998 гг. и допустил выход из Республики Восточного Тимора, насильственно присоединенного в 1975 г. Абдуррахман Вахид, назначенный в 1999 г., подвергся импичменту фактически под надуманными предло-

гами, реальной же причиной были его радикализм в проведении демократических реформ, прежде всего, в ограничении политической роли армии, и попытки отменить антикоммунистическое законодательство.

Нынешний президент Джоко Видодо не принадлежит к старой элите, начав с мебельного бизнеса, пройдя через посты мэра города Соло (Центральная Ява) и затем Джакарты. Но, возглавив в 2014 г. Республику Индонезию, он обнаружил, что его окружают в самой значительной мере представители традиционных элит. Как писала газета «Джакарта пост» (19.10.2021 г.), «Джоко Видодо сохранил мощный политический капитал... Возможно, он не оправдал надежды прогрессистов и реформаторов, ожидавших, что он бросит вызов застарелым интересам олигархов. Но он нашёл способ учесть в своей политике интересы элиты таким образом, чтобы обеспечить и собственное выживание, и достижение своих политических целей». Практически тогда же (09.11.2021 г.) эта газета скажет: «Президент, которого многие считают популистом-технократом, отодвигает демократию на задний план, чтобы иметь возможность сосредоточиться на развитии экономики. Имеется в виду, что сильная демократия должна иметь прочные основы, а это не что иное, как развитие экономики». Таким образом, он не полностью свободен в выборе курса развития политической системы.

Многие политические деятели и аналитики констатируют засилье олигархов в различных политических структурах и на различных уровнях. Бывший вице-спикер парламента Фахри Хамза призывает не обольщаться существующей избирательной системой, напоминая, что в свое время Гитлер, Муссолини и Пиночет тоже одерживали победу на выборах. Авторитаризм может утвердиться и благодаря голосованию. Министр-координатор Махфуд М. Д., отвечающий за политические, правовые сферы и область безопасности, в выступлении на семинаре в джокьякартском университете «Гаджа Мада» в августе 2022 г. признал, что демократия в Индонезии ещё не обрела прочной основы. «Коррупция растёт, как в дореформенные времена. Действующие законы неспособны сдерживать рост олигархии, земельной, банковской мафии и мафии в судах... Официальные органы, избираемые народом, принимают решения, которые идут во вред народу»¹⁰.

Дискуссия вокруг вопроса о динамике демократического процесса в стране ещё более оживилась в мае 2022 г., когда на соседних Филиппинах на смену авторитарному президенту Дутерте был избран Фердинанд Маркос, сын Ф. Маркоса-старшего, возглавлявшего страну в течение многих лет и свергнутого в результате народных волнений в

1986 г. В Индонезии это было воспринято как свидетельство ностальгии филиппинцев по временам его весьма авторитарного режима, и возникли опасения, что аналогичные процессы могут иметь или уже имеют место в этой стране. Газета «Джакарта пост» (05.05.2022) писала: «Мы должны продолжать воспитывать в людях веру в демократию, доказав им, что демократия может принести и приносит дивиденды. В противном случае всё больше людей захотят иметь альтернативные формы правления, включая возвращение к военному режиму, к авторитарному правителю, или к комбинации того и другого, как это было во времена Сухарто».

В эшелонах современной элиты бытует убеждение, что классические нормы демократии, которую здесь критически именуют либеральной, чужды природе и самобытности индонезийского общества. Многие деятели, от военачальников до виднейших национальных лидеров, считают, что проникновение либерализма в Индонезию после 1998 г. было вредоносной ошибкой. В частности, генеральный секретарь крупнейшей в стране Демократической партии Индонезии (борющейся) Хасто Кристианто заявил, что политическая коррупция в стране стала результатом либерализации, которая была навязана Индонезии по американскому образцу после кризиса 1997–1998 гг. Международным валютным фондом. Политическая структура и система Индонезии претерпели фундаментальные изменения в результате введения электорального механизма при прямом вмешательстве капитала. Либеральная демократия вытеснила демократию, основанную на принципах панча сила, которую заповедовали отцы нации. Мощная волна рыночной экономики обрушивается на народ и губит его¹¹.

Идри Лаета, лидер парламентской фракции влиятельной партии Голкар, в пространной статье утверждает, что в принятии решений органами власти приоритет должен отдаваться консультациям в соответствии с четвёртым принципом панча сила, а не голосованию по принципу большинства. И это притом, что принятие решения путем голосования утверждено конституцией (ст. II, п. 3). Вывод парламентария: «Индонезийское общество должно признать, что панчасилаистская демократия в принципе отличается от демократии в других странах с их парламентской и президентской системами»¹².

Спикер Совета представителей регионов (сената) Ла Ньялла Матталити считает, что Индонезия всё больше превращается в либерально-капиталистическую страну, где горстка людей владеет половиной природных богатств, поскольку национальная идеология лишь провозглашается на государственных церемониях, но не воплощается

в жизнь¹³. В июне 2022 г. обострились противоречия между СПР и центральной властью. Созданный в 2001 г. в рамках третьего пакета поправок к конституции СПР стоит как бы на ступень ниже Совета народных представителей, уполномоченный по преимуществу вносить на рассмотрение СНП предложения по ограниченному кругу вопросов. Выступления Ла Ньялла касались коренных проблем нынешней Индонезии. В одном случае он указал, что в стране растёт влияние экономической олигархии, которая сосредотачивает свои состояния за пределами Индонезии, блокируется с олигархами от политики. Он сказал, что не выступает против богатых людей, «но когда достояния четырёх человек равны средствам ста миллионов, это слишком». По его словам, дело идёт к тому, что экономическая олигархия, финансируя весь процесс, начиная с формирования партийных коалиций и расходов правительства, потребует в качестве возмещения в виде формирования политики в соответствии со своими интересами¹⁴.

В другом случае он утверждал, что ранее (в период военного режима) действовали системы демократии и экономики, основанные на принципах панча сила, а ныне, с принятием поправок, Индонезия превратилась в секуляризованную, либеральную, капиталистическую страну. Он выступил за радикальные фундаментальные изменения – недуг нации настолько тяжёл, что терапевтическим лечением здесь не обойтись¹⁵.

Спикер СПР формально занимает, по крайней мере, пятое место в политической системе после президента, вице-президента, спикеров Народного консультативного конгресса и СНП. На деле уровень его влияния значительно ниже, но здесь важно, что с консервативными нападкамии на конституцию выступает глава парламентской палаты, призванной обеспечивать исполнение основного закона, и это тревожный показатель качества демократического процесса. Возможно, это отражает противоречия центра и окраин, которые президент Джоко Видодо пытается преодолеть избавлением от яваноцентризма путем переноса столицы на Калимантан. Ла Ньялла настойчиво указывает на ограниченность функций его палаты, призванной отстаивать интересы регионов.

Консервативные круги увязывают углубление социальных и имущественных различий в Индонезии с внедрением демократических норм, игнорируя тот факт, что условия для развития капиталистической экономики были созданы военно-авторитарным режимом «нового порядка». Здесь проходит порой трудно различимая грань между естественным стремлением национального большинства со-

хранить самобытность, свою культуру, исторический багаж и корыстным стремлением владельцев капитала и земли прикрыть этой самобытностью подлинный характер социально-имущественных отношений. Лишь немногие придерживаются точки зрения, которую выразил видный политический деятель и политолог Азьюмарди Азра, считавший, что политическая система Индонезии должна сочетать универсальные принципы демократии с национальными ценностями, и демократию не следует воспринимать как нечто чуждое, исходящее с Запада¹⁶.

Индонезийская пресса, политические обозреватели часто делают упор на то, что демократизация после 1998 г. ознаменовалась многочисленными проявлениями межэтнических и межконфессиональных противоречий, религиозной нетерпимости. Доходит до утверждений, что во времена Сухарто Индонезия отличалась значительно более высоким уровнем терпимости и была в значительной степени более светским государством. Сейчас в ряде регионов введено обязательное исполнение норм шариата, а это среди прочих последствий отрицательно сказывается на положении женщин. Эта логика игнорирует, по крайней мере, два важных обстоятельства. Во-первых, «новый порядок» в целом достаточно успешно **физически** противостоял развитию радикального ислама, но одновременно препятствовал возникновению любой политической силы, способной самостоятельно противостоять этой угрозе. С падением военного режима у исламистов фактически не оказалось достойных оппонентов, способных к политической полемике. Проблемы и противоречия, с которыми индонезийское общество имеет дело сейчас, возникли не в процессе демократизации - вырвались наружу процессы и явления, которые военный режим «загонял под ковёр».

Второе обстоятельство заключается в том, что межконфессиональные и межэтнические противоречия часто суть внешняя окраска социального неравенства, углубляющегося и обнажающегося по мере в целом успешного экономического развития. Эти противоречия не находят реального отражения в деятельности политических партий и общественных организаций, действующих в рамках государственной идеологии.

Прилагая всемерные усилия к экономическому развитию, правящая элита упорно отрицает, что это развитие является капиталистическим. Даже когда этот факт признаётся, его проявления выдаются за частные случаи отхода от государственной идеологии, которой чужда эксплуатация человека человеком. Но в равной степени любая попыт-

ка поставить «в полный рост» проблему социального неравенства объявляется противоречащей панча сила. В законе 2013 г. о статусе общественных организаций среди 12 видов запрещённой деятельности значатся возбуждение вражды против социальных групп и следование учениям и воззрениям, противоречащим идеологии государства.

При этом растёт уровень политической и социальной осведомленности индонезийцев. В начале 2021 г. в стране насчитывалось 202,6 млн пользователей интернетом - почти 75% населения¹⁷. Соответственно, до них доходит информация о том, что десяти самым состоятельным согражданам принадлежит 60% национального достояния¹⁸.

По данным, на которые ссылался спикер Народного консультативного конгресса Б. Сусатьо, опрос в мае 2020 г. показал, что, по мнению 19,5% молодых индонезийцев, панча сила не имеет отношения к реальной жизни, и некоторые считают его всего лишь термином, значение которого до конца неясно. Спикер выразил опасение, что этот феномен способен стать бомбой замедленного действия, которая может в любой момент взорваться¹⁹. И взрывателем, добавим мы, может стать пункт, который трактует идею социальной справедливости. Возможно, мы являемся свидетелями процессов, которые развивались в Индонезии в 1966–1998 гг. – сознательная часть общества в своем развитии опережала элиту.

Выше говорилось о росте процента граждан, неудовлетворённых уровнем свободы слова, демонстраций и протестных акций, действиями правоохранительных органов в этой сфере. Как сообщает заместитель главы Национальной комиссии по правам человека Амируддин Ад Рахаб, в комиссию ежедневно поступают многочисленные жалобы граждан на противоправные действия этих органов. Хотя существует более чем достаточно нормативных актов и институтов, призванных обеспечивать основные права, на местах их нередко игнорируют²⁰.

В ходе дискуссии, проходившей ещё в 2017 г. в рамках журнала либерального направления «Призма», социолог Бенни Сетиаван говорил, что демократический процесс выдыхается («наша демократия стала увечной»), и относил это за счёт того, что в стране отсутствует левое движение, которое, опираясь на массы, обладало бы классовым сознанием. Этим он объяснял тогдашнюю популярность Фронта защитников ислама, мобилизовавшего путем манипуляций лишённые идеологии дрейфующие массы²¹. Роль идеологии социальной справедливости, равенства (перед Всевышним) переходит к исламу, рели-

гии более 80% индонезийцев. Это и питательная среда для радикализма.

В условиях радикализации исламистского движения, перерастающей в ряде случаев в терроризм, против которого неизбежно применяется насилие, в стране создаётся атмосфера, которая противодействует осуществлению демократических норм и благоприятствует их нарушению. Правозащитники не без основания указывают на применение насилия в качестве политического орудия. В этом специфика политической культуры как населения, привыкшего за многие поколения к тому, что сила есть «ultima ratio» в полемике, так и достаточно влиятельных слоёв в правоохранительных органах и армии.

Массовые беспорядки имели место в мае 2019 г., когда сторонники генерала Прабово Субианто протестовали против решения Центральной избирательной комиссии, признавшей победу на президентских выборах его соперника Джоко Видодо. Беспорядки, за которыми стояли радикальные исламисты, привели к гибели шести человек, ещё около 200 были ранены²².

Жёстко подавлены были массовые демонстрации в связи с принятием 5 октября 2020 г. Закона о создании рабочих мест, существенно ограничивающего права трудящихся в пользу работодателей. Узаконены расширение практики приёма на временную работу и работу по контракту, увеличение допустимой продолжительности сверхурочной работы, право работодателей на сокращение выходных дней и отпусков, на увольнение работников и сокращение выходных пособий при увольнении, ограничение прав правительства и местных органов на вмешательство в области трудовых отношений.

Отмечены случаи, когда полиция открывала огонь по населению, протестующему против разработки полезных ископаемых на общинных землях, вплоть до смертельных случаев²³. В то же время в сентябре 2022 г. власти сравнительно терпимо отнеслись к массовым демонстрациям населения против отмены субсидий на цены бытовых нефтепродуктов.

Когда ставится вопрос об обеспечении демократических свобод, почти всегда имеется в виду вертикальное измерение проблемы – отношения между властью и обществом. В Индонезии существенную актуальность имеет горизонтальное измерение – отношения между этническими и религиозными общинами, когда органы власти не всегда проявляют необходимые упорство и последовательность в обеспечении прав меньшинств. В этих случаях нарушения свобод и прав человека являются по преимуществу результатом не злонамеренной

инициативы власти, а её неспособности обеспечить их соблюдение. Погромы имеют место, например, против сторонников секты Ахмадия, которые считают, что Мохаммед не был последним пророком, ниспосланным Аллахом. Конфликты возникают на местах, когда религиозное меньшинство пытается воздвигнуть свой храм.

Характерным было развитие событий в связи с деятельностью Фронта защитников ислама. В 2016 г. ФЗИ развернул массовую кампанию против мэра столицы Басуки Чахайя Пурнама (БЧП), этнического китайца и протестанта по вероисповеданию, и добился его осуждения по ложному обвинению в святотатстве (он призвал своих избирателей не давать себя дурачить ссылками на суру Корана, запрещающую дружбу с иноверцами). Характерно, что власти, которые ежечасно апеллируют к ценностям государственной идеологии, не сочли возможным в данном случае осудить Фронт за откровенное нарушение этих ценностей и заявить, что в поношении религии виновен не БЧП, а те, кто использует Коран для нарушения конституции страны, национальной идеологии и девиза «Единство в многообразии». Однако, в данном случае власти сделали определенные выводы в отношении Фронта, и в 2019 г. он был распущен, а БЧП после выхода на свободу назначен на весьма высокий пост в государственной нефтяной компании Пертамина.

Отдельного внимания заслуживает роль политических партий. По данным опросов общественного мнения, партии находятся на одном из последних мест в перечне политических институтов в том, что касается их роли, позиций и воздействия на политические и социальные процессы. Это в существенной мере свидетельствует о степени их значимости в демократическом процессе, способности отражать интересы отдельных социальных, этнических и конфессиональных групп и слоёв. В парламенте (Совете народных представителей), в который входят 575 депутатов, представлены девять партий.

1. Демократическая партия Индонезии (борющаяся) - 128 мест (22,26%).
2. Партия функциональных групп (Голкар) – 85 мест (14,78%).
3. Движение за великую Индонезию (Гериндра) – 78 мест (13,57%).
4. Национально-демократическая партия – 59 мест (10,26%).
5. Партия национального возрождения – 58 мест (10,09%).
6. Партия демократов – 54 места (9,39%).
7. Партия справедливости и процветания – 50 мест (8,70%).
8. Партия национального мандата – 44 места (7,65%).

9. Партия единства и развития – 19 мест (3,3%).

Только две из перечисленных партий (Партия справедливости и процветания и Партия демократов), имеющие в общей сложности 98 мандатов (17%), не входят в правительственную коалицию. Система сдержек и противовесов практически отсутствует. Деятельность партий и их соперничество основываются преимущественно не на формировании собственной стратегии, собственных программ, адресованных определенным слоям населения, а на борьбе за парламентские мандаты, открывающие путь к участию в правительстве.

Лишь четыре партии из перечисленных (5, 7, 8 и 9) позиционируют себя в качестве мусульманских, имея в общей сложности 174 мандата (около 30%), причем только Партия справедливости и процветания (50 мест) находится в оппозиции правительству. Это отчасти объясняет, почему в поисках защиты своих интересов недовольные ищут её в радикальных движениях, а не в системных партиях.

Руководитель Центра политических исследований Академии наук Индонезии (LIPi) Фирман Ноор отмечает три слабости большинства партий. Первая – недостаточная прозрачность, чрезмерная централизация. Внутрипартийная демократия существует только на словах. Вторая – кадровая политика с ее прагматизмом, оппортунизмом и лицемерием. Третья – недостаточное финансовое обеспечение, побуждающее лидеров некоторых партий прибегать к «альтернативным» источникам, не всегда безопасным и законным. Он указывает, что некоторые партии делают ставку на влиятельных деятелей, на элиту вместо системного подхода, нацеленного на формирование партийной демократии, воспитание демократически настроенных и ориентированных кадров²⁴.

Научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Арья Фернандес указывает, что политические партии недостаточно привлекают население к своей деятельности. За редким исключением на уровне местных представительных органов решения принимаются на основе договоренностей с исполнительной властью²⁵. Как представляется, эти выводы затрагивают более широкий и высокий уровень, чем ситуация на местах.

Самую влиятельную Демократическую партию Индонезии (борющуюся) уже более четверти века возглавляет дочь первого президента Индонезии Мегавати Сукарнопутри, и высока вероятность, что она передаст этот пост своей дочери Пуан Махарани, ныне занимающей пост спикера парламента. Партию демократов до недавнего времени возглавлял С. Б. Юдойоно (президент Индонезии в 2004–

2014 гг.), от которого пост перешел к его сыну Агусу Юдойоно. И это не единственный пример, когда в массовой политической культуре индонезийцев ореол, окружающий предков деятеля, выступает в роли важного фактора.

Показателен феномен Прабово Субианто, который сейчас фигурирует как едва ли не главный претендент на пост президента на выборах 2024 г. Он уже баллотировался на этот пост в 2014 и 2019 гг. и в обоих случаях уступил Джоко Видодо. Но знаменателен тот факт, что отставной генерал П. Субианто, создавший и возглавивший партию Движение за великую Индонезию, занимающую третье место в парламенте, и дважды бывший в шаге от президентского кресла, имеет неоднозначный послужной список в смысле соблюдения и восприятия демократических норм. Зять президента Сухарто, он участвовал в подавлении партизанского движения на Восточном Тиморе, на посту командующего Стратегическим резервом Сухопутных войск подавлял демократическое движение в мае 1998 г., за что был впоследствии уволен с военной службы и вынужден эмигрировать в Иорданию. Тем не менее, по возвращении он основал партию Движение за великую Индонезию (индонезийское сокращение Гериндра) и стал одним из самых влиятельных политических деятелей, не гнушаясь ни блокированием с радикальными исламистами, ни участием в правительстве Джоко Видодо, которого до этого всячески поносил в ходе избирательной кампании (в 2019 г. он безоговорочно принял предложение президента стать министром обороны).

В контексте данной статьи достойно внимания, что ни один из перечисленных фактов не стал предметом критических выступлений в адрес генерала, поводом усомниться в его праве претендовать на высший пост в стране, провозгласившей курс демократических реформ. Это отражает известную специфику политического мышления индонезийского общества, его элиты, в частности лидеров политических партий. Возможно, это лишь отчасти объясняется тем, что не все лидеры чувствуют себя полностью безгрешными.

Мне не раз, в том числе и в последнее время, приходилось обращаться к политической роли армии в современной Индонезии. Но эта тема неизбежно возникает в контексте рассуждений о демократическом процессе и демократическом потенциале индонезийского общества. Едва ли не самым красноречивым индикатором в этом смысле является тот факт, что, как свидетельствуют результаты исследований, проведенных в 2021 г. институтом Indikator Politik Indonesia, вооруженные силы пользуются в стране самым высоким уровнем доверия

(89,6%), опережая все другие институты, включая законодательные органы, занимающие последние места. В середине 2022 г. по данным Lembaga Survei Indonesia, этот уровень составил 92%²⁶. И это несмотря на то, что именно офицерский корпус, генералитет сухопутной армии были становым хребтом, политическим аппаратом «нового порядка» и соответственно армия должна была бы нести морально-политическую ответственность за неисчислимы нарушения прав человека в эти три десятилетия.

Одно из возможных объяснений заключается в том, что в результате реформ после 1998 г., большей открытости и доступа к информации, наконец, самого экономического развития обнажилась классовая сущность строя, корни социального неравенства, и армия как бы осталась в стороне от этих явлений, не будучи формально связана ни с бизнесом, ни с олигархами.

В начале «эпохи реформ» были приняты решения, формально лишавшие армию роли самостоятельного политического института, но фактически эта роль сохранилась. Уже не раз говорилось о сохранении введённой в период военного режима категории «сержантов-наставников» в деревнях, уполномоченных следить за порядком и информировать вышестоящие военные инстанции обо всех скольконибудь значительных событиях. Фактически этой категории, численность которой, по некоторым данным, достигла 36 тысяч человек, доверена функция автономного аппарата власти. Начальник штаба сухопутных войск генерал Дудунг Абдурахман сформулировал их задачи следующим образом: «В том, что касается правых и левых экстремистов, вы должны действовать как во времена президента Сухарто. Даже если иголка упадёт, вы должны знать»²⁷. Здесь мы сталкиваемся с известной ситуацией – обострение проблемы радикального исламизма (левое движение в Индонезии фактически отсутствует) создает почву для мер, выходящих за правовые рамки, в том числе и со стороны военных структур.

Армия используется в сферах, непосредственно связанных с благополучием и благосостоянием населения. В мае 2022 г. в условиях кризиса в области производства и доступности растительного масла для населения (ситуация граничила с кризисом) начальнику штаба сухопутных войск было поручено отслеживать наличие этого продукта на местах. Этот эпизод вновь продемонстрировал, что армия едва ли не единственный институт, на который можно положиться в кризисной ситуации. В июле 2022 г. государственное ведомство, занимающееся обеспечением и регулированием роста населения (Badan

Kependudukan dan Keluarga Berencana Nasional), присвоило генералу Дудунгу Абдурахману статус попечителя детей с задержками роста. Он в свою очередь возложил эти обязанности на командующих военными районами и сержантов-наставников в деревнях²⁸.

В 2022 г. правозащитные организации выступили против решения правительства допустить назначение находящихся на действительной военной службе генералов и офицеров исполняющими обязанности глав районов и провинций. Фактически, находясь на должностях, по закону занимаемых в результате голосования, военнослужащие окажутся в двойном подчинении и влияние их военного начальства может быть определяющим. Газета «Джакарта пост» (02.06.2022) назвала это решение предательством демократических реформ.

Характерно, что в Индонезии, стране-архипелаге с огромной протяженностью морских границ, главную роль играют не флот и не авиация, но сухопутные войска. Так, начальники штаба армии назначаются на пост главкома вооружённых сил вопреки официальному распорядку чаще, чем их коллеги из ВМФ и ВВС. Это отражает латентные внутривластные функции армии.

В то же время показательны новые мотивы, звучащие в высказываниях высших представителей военной элиты. Главком вооружённых сил генерал Андика Перкаса 25 июня 2022 г. потребовал, чтобы к военнослужащим применялись все соответствующие нормы закона «невзирая на лица»²⁹. Он же в 2022 г. отменил действовавшее запрещение приёма на военную службу потомков лиц, бывших членами Коммунистической партии Индонезии, запрещённой в 1966 г. В последнее время чаще на суд общественности СМИ выносятся внутренние проблемы вооружённых сил, правонарушения, совершаемые военнослужащими, иногда достаточно высокого ранга. Весьма активно обсуждался в сентябре 2022 г. конфликт, якобы возникший между главкомом Андика Перкаса и Дудунгом Абдурахманом из-за того, что сын последнего не был принят в военную академию (в конечном итоге его все же приняли).

Под разными предлогами тормозится расследование случаев массовых нарушений прав человека, включая самые тяжкие, имевшие место в Индонезии в период «нового порядка». В августе 2021 г. Национальная комиссия по правам человека обратилась к Генеральной прокуратуре с призывом расследовать 12 таких нарушений, в том числе события 1965–1966 гг. (массовый террор), ряд случаев применения неоправданного насилия военным режимом и аналогичных слу-

чаев после 1998 г.³⁰. Несмотря на неоднократные обещания президента Джоко Видодо, дело в этом отношении не двинулось с места. В декабре 2021 г. заместитель министра юстиции и по правам человека Эдвард Омар Хиаридж выступил за то, чтобы расследование крупнейших правонарушений прошлого преследовало не карательные цели (выявление и наказание виновных), а сосредоточилось на реабилитации пострадавших и исправлении последствий этих нарушений. Он отметил, что в последнее время проявляется стремление к отмщению за нанесённый ущерб, и это приводит к противоречиям между Национальной комиссией по правам человека и генеральной прокуратурой, ссылающейся на недостаточность предъявляемых доказательств³¹. Здесь прослеживается стремление избежать указания на виновных в нарушениях, чтобы вывести из-под удара влиятельные институты, прежде всего армию.

Студенты университета «Трисакти», подвергшиеся террору правительственных войск в 1998 г., встретились 12 мая 2022 г. с шефом администрации президента отставным генералом Мулдоко. Обсуждался вопрос о расследовании прошлых тяжких нарушений законности и прав человека. Мулдоко заверил, что в принципе закон позволяет рассматривать эти вопросы в судебном порядке, но для этого нужно решение парламента. Поэтому идеальным он считает решение проблемы во внесудебном порядке³². Его позиция совершенно очевидно диктовалась желанием ограничиться возмещением ущерба пострадавшим без указания на личности и институты, виновные в нарушениях.

В связи с этим член Национальной комиссии по правам человека Хоирул Аннам заявил, что трагедии, подобные той, что произошла в 1998 г., не должны рассматриваться иначе как в суде, чтобы предотвратить в будущем подобные правонарушения со стороны гражданских и правоохранительных органов³³. Но наиболее откровенно высказался председатель этой комиссии Ахмад Даманик, указав, что решение проблемы прошлых тяжких нарушений прав человека зависит исключительно от политической воли президента³⁴. Этим он признал, что исполнение законов в Индонезии всё ещё не облечено демократическими рамками и зависит от субъективных факторов, притом, что президент тоже не всегда свободен в определении своей политической воли, но зависит от политических элит и олигархов.

В течение 2020 г. Национальная комиссия по правам человека получила 2841 заявление о нарушениях, в т. ч. 758 со стороны полиции, 455 – работодателей и 276 – правительственных учреждений.

Среди этих нарушений 1021 касались материального положения граждан, 887 – допущенной несправедливости, 179 – нарушений личной безопасности³⁵. Учитывая в целом не очень высокий уровень правосознания большинства населения, можно предположить, что число обращений не достигает числа действительно допущенных нарушений.

Уязвимым в плане упрочения демократических норм и соблюдения прав человека остается положение в двух крайних регионах страны – Аче (северная оконечность острова Суматра и Папуа - принадлежащая Республике часть острова Новая Гвинея. Чтобы достичь компромисса с радикально исламистским сепаратистским Движением за свободное Аче, правительство президента Мегавати Сукарнопутри пошло в 2002 г. на весьма далеко идущие уступки. В соответствии с соглашением об особом статусе Аче на население территории распространяются все нормы шариата, включая публичное телесное наказание, например, за пребывание наедине мужчины и женщины, не состоящих в законном браке, употребление алкоголя и т. п. Как и некоторые другие политические сюжеты, тема соблюдения в Аче конституции страны, прав человека фактически табуирована на протяжении уже двух десятилетий.

Что касается Папуа, то положение в этой части Республики было нами подробно освещено в статье «Индонезия – проблемы сепаратизма в Папуа» (Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», 2021. Том III, №3 (52). Нет оснований говорить о скольконибудь существенных позитивных сдвигах. Позиции вооруженных сепаратистов остаются непримиримыми. В то же время отметим, что главнокомандующий вооруженных сил генерал Андика Перкаса настойчиво проводит мысль, что необходимые меры по подавлению мятежников должны сочетаться с политической работой, привлечением коренного населения на свою сторону. Но груз прошлого слишком велик, и продолжающиеся военные столкновения и теракты не способствуют его облегчению.

Достаточное взаимопонимание не всегда присутствует и на уровне отношений региона с центром. В мае 2022 г. представители коренного населения Папуа на встрече с представителями официальных властей и правозащитных организаций настаивали на том, чтобы коренные жители шире привлекались к осуществлению политических мероприятий, в том числе и в административном делении территорий с богатыми природными ресурсами³⁶. Серьезные противоречия возникли и в связи с созданием новых провинций в Папуа. Представите-

ли коренных жителей указывают, что недостаточно учитывается этническая, экономическая и цивилизационная специфика территории³⁷. Судя по некоторым сообщениям, правительство намерено учесть эту критику. В частности, предполагается, что в аппарате власти новых образований 80% должностей будет замещаться представителями коренных народностей³⁸.

Правозащитники остро критикуют меры властей, которые рассматривают как направленные на ограничение свободы слова, печати, выступлений и собраний. Это касается, в частности, принятого в 2008 г. закона №11 об информации и электронных средствах связи, который используется для воспрепятствования вплоть до уголовного преследования определённым категориям акций и высказываний, включая даже научные исследования³⁹. Пятнадцатого марта 2018 г. вошел в силу закон, предусматривающий уголовное наказание за акции и публикации в СМИ, содержащие неуважение к парламенту и его членам. Президент отказался подписать этот закон, но, в соответствии с конституцией, он вступил в силу и в этом случае через 30 дней после принятия. Случаи ограничения свобод публикаций и высказываний участились в период антипандемийной кампании, когда информация о кризисных ситуациях нередко приравнивалась к оскорблению президента и правительства⁴⁰.

Тормозящим фактором является то, что принципы демократии в политическом сознании масс ассоциируются с Западом, прежде всего с Соединёнными Штатами Америки, с их весьма неоднозначной ролью в истории вообще и в отношениях с Индонезией, в частности. У индонезийцев есть основания считать, что лозунги демократии используются США как средство давления на другие страны для продвижения американских интересов. Газета «Джакарта таймс» 8 июня 2022 г. опубликовала материал агентства Франс пресс, озаглавленный: «США против диктаторов? Да, кроме случаев, когда они их поддерживают». Автор упоминает Ф. Д. Рузвельта, который в 1939 г. сказал о никарагуанском диктаторе А. Сомоса: «Может быть, он сукин сын, но он наш сукин сын», и приходит к выводу, что с тех пор ничего не изменилось.

Вместе с тем индонезийские средства СМИ в целом демонстрируют достаточно высокую степень свободы публикаций, затрагивая весьма острые вопросы. Примером служит обсуждение деятельности Фронта защитников ислама и, в особенности, положения в Папуа, когда в СМИ звучат порой диаметрально противоположные мнения. В начале 2022 г. дискуссия развернулась вокруг идеи продления срока

полномочий президента, исходившей из кругов весьма близких к главе государства. Он отверг эту инициативу, но критика в адрес президента и его окружения была нелицеприятной. Не менее жёсткую дискуссию в том же 2022 г. вызвал дефицит растительного масла, создавший серьёзную политическую проблему.

Критика власти порой приобретает острые формы, но в большинстве случаев она остается в рамках СМИ, поскольку правительственная коалиция имеет 82% мест в парламенте, что препятствует созданию действенной системы сдержек и противовесов. В настоящее время идёт дискуссия вокруг действующего 20-процентного порога, в соответствии с которым кандидатуру президента может выдвинуть лишь коалиция, имеющая не менее 20% мандатов в парламенте. Критики считают, что это сужает возможности политической конкуренции и судьбы страны, которые зависят от сговора партий.

Следует отметить, что определённые пороки политической системы признаются и на самом высоком уровне элиты. Так, заместитель председателя Комиссии по борьбе против коррупции Нурул Гуфрон сообщил, что расходы кандидатов на различные выборные должности составляют от 30 до 150 млрд рупий (от двух до десяти миллионов долларов). Не располагая такими средствами, они вынуждены занимать деньги у состоятельных людей и после избрания, не будучи в силах расплатиться при своих невысоких окладах, возмещают долги услугами в рамках своих должностных прерогатив. «К сожалению, демократия в Индонезии до сих пор требует весьма высоких расходов и порождает процессы, относящиеся к сделкам»⁴¹. С ним солидарен министр по политическим и правовым вопросам и правам человека М. Д. Махфуд, по данным которого 84% глав регионов для участия в избирательных кампаниях получают финансирование со стороны дельцов. «С демократией в Индонезии не всё в порядке», признал он⁴².

В идеологической области тоже далеко не все обстоит благополучно. Как совсем недавно признал крупнейший политолог Азьюмарди Азра, для нынешнего поколения так называемая сакрализация принципов «панча сила» является исключительно политической уловкой, которую авторитарный режим «Нового порядка» использовал с целью сохранить своё правление. Для последующей генерации эти принципы не служат предметом знания и «коллективной памяти» и тем более лишены сакральности⁴³.

Общим выводом из всего сказанного выше может быть констатация, что в целом за последние почти четверть века индонезийское

общество проделало существенный путь в институционализации основных норм современной демократии. Практическое осуществление этих норм и даже признание их необходимости и приложимости к индонезийским условиям, как было показано выше, остается предметом дискуссий, в которых встречаются прямо противоположные позиции. Главной причиной является, на наш взгляд, специфика генезиса и развития национальной буржуазии, которая утверждалась у власти в течение трёх с лишним десятилетий военного режима и не обрела достаточных навыков идейной и политической состоятельности. Законы и потребности капиталистического развития столкнулись с традициями и пережитками общинного самосознания, причем к этим традициям апеллируют те, кто очень неплохо существует в капитализме. Отсюда продолжающаяся сакрализация народнической идеологии и отсутствие идейной состоятельности.

В то же время следует признать, что схожие процессы не меньшими трудностями и откатами проходили и проходят в других странах региона – в Камбодже, Мьянме, Таиланде, на Филиппинах. И это притом, что в Индонезии все политические и социальные проблемы обретают особый характер и масштабы, учитывая размеры страны, специфику географического положения и состава населения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 31.10.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yu. DRUGOV, DSc (Politics), Chief Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 25.09.2022; approved 30.09.2022; accepted to publication 31.10.2022.

¹ URL: <https://news.detik.com/berita/d-5488095/indeks-drmokrasi-ri-capai-titik-terendah-ini>. 10.03.2021.

² URL: <https://news.detik.com/berita/d-5944318/skor-indeks-demokrasi-ri...> 10.02.2022.

³ URL: <https://www.republika.co.id/berita/rc96mf384/survei-smrc-kebebasan-sipil-indonesia...> 22.05.2022.

⁴ URL: <https://www.antaranews.com/berita/2899853/smrc-kinerja-pemerintah-menentukan-ki...> 25.05.2022.

⁵ URL: <https://kolom.tempo.co/read/1593624/24-ahun-reformasi-menolak-kekerasan-merawa...> 26.05.2022.

⁶ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6087176/bamsoet-kuliyi-demokrasi> 20.05.2022

⁷ <https://www.gatra.com/detdil/news/437078?politik-sjal-kristiadi-politik-indonesia...> 13.08.2019

⁸ Bacharuddin Jusuf Habibie. Detik-Detik yang Menentukan. Jalan Panjang Indonesia Menuju Demokrasi. Jakarta, 2006. Hal.50-52.

⁹ Ibid., hal.91

¹⁰ URL: <https://www.republika.co.id/berita/r72qbz428/fahri-hamzah-otoritarianisme-mung...> 12.02.2022; Gatra.com., 27.08.2022.

¹¹ URL: <https://www.beritasatu.com.politik/714573/parpol-ideologis-jadi-jawaban-hadapi-hant...> 09.01.2021.

¹² URL: <https://news.detik.com.kolom/d-5308395/kabitet-indonesia-maju-wujudkan-prinsip-d...> 24.12.2020.

¹³ Republika (Jakarta), 15.XI.2021.

¹⁴ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6111318/lanyalla-bicara-musih-be...> 05.06.2022; URL: <https://www.antaraneews.com/berita/2957665/lanyalla-sebut-dpd-ri-tidak-memiliki-rua...> 24.06.2022.

¹⁵ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6125696/ketua-dpd-ri-harap-mahas...> 13.06.2022

¹⁶ Kompas (Jakarta), 10.05.2020.

¹⁷ URL: <https://nws.detik.com/berita/d-5561106/bamsoet-soroti-penurunan-kualitas-demokrasi...> 06.05.2021/

¹⁸ URL: <https://beritasatu.com/nasional/709783/azyumrdi-azra-ada-lima-ancaman-...> 16.12.2020.

¹⁹ Suara Merdeka (Semarang), 07.08.2021.

²⁰ Kompas, 19.08.2021.

²¹ Prisma (Jakarta), vol.36, No.1, 2017. Hal.107.

²² Jakarta Post, 22.05.2019.

²³ См., в частности, Kompas, 14.02.2022.

²⁴ Republika, 04 & 05.08.2021.

²⁵ Republika, 15.04.2021.

²⁶ Kompas, 10.02.2021; 01.09.2022.

²⁷ Kompas, 22.11.2021.

²⁸ URL: <https://www.republik.co.id/berita/ree746380/jenderal-dudung-perintahkan-jajaran-tni...> 03.07.2022.

²⁹ URL: <https://www.antaraneews.com/berita/2960193/andika-perkasa-penegakan-hukun-di-lin-25.06.2022>.

³⁰ Kompas, 12.08.2021.

³¹ URL: <https://en.antaraneews.com.news/203077/resolve-human-rights-violations-through-ust...> 07.12.2021.

³² URL: <https://en.antaraneews.com.news/2886665/moeldoko-terima-mahasiswa-trisakti-bahas...> 18.05.2022.

³³ URL: <https://nasional.tempo.co/read/1593266/komnas-ham-tragedi-trisakti-tak-bisa-diselesaikan...> 20.05.2022.

³⁴ URL: <https://en.antaraneews.com/news/230265/resoluiom-of-human-rights-violations-depend...> 19.05.2022.

³⁵ Kompas, 12.08.2021.

³⁶ The Jakarta Post, 31.05.2022.

³⁷ URL: <https://www.gatra.com/news-546554-nasional-pemekaran-papua-mrp-beber-empati-fak...> 25.06.2022.

³⁸ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6250904/mahfud-usul-asn-di-daerah...> 28.06.2022.

³⁹ URL: <https://kolom.tempo.com/read/24-tahun-reformasi-menolak-kekerasan-merawa...> 21.05.2022.

⁴⁰ Kompas, 03.05.2022.

⁴¹ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6295763/kpk-sebut-biaya-jadi-kepala-daerah-capai-...> 16.09.2022.

⁴² URL: <https://news.detik.com/berita/d-6298115/mahfud-sebut-demokrasi-ri-sedang-tidak-baik...> 18.09.2022.

⁴³ Kompas, 18.09.2022.